

Никита БОГОСЛОВСКИЙ.

Что было и чего не было

Из будущей книжки того же названия

Наша школа была вполне благополучной, одной из лучших в Ленинграде. Ученики спокойные, дисциплинированные, трудолюбивые. Все занимались прекрасно, и плохих отметок ни у кого практически не было (даже по поведению). За одним исключением: гроза педагогов Левка Смирнов был мальчишкой способным, умным, но весьма бесшабашным. Вел себя на уроках ужасно, а то и вообще без всяких причин прогуливал по нескольку дней. Вне школы он хулиганил так, что попадал в милицию. Два два его исключали из школы и потом с трудом восстанавливали по горячим просьбам отца, уважаемого и известного в городе врача-педиатра.

А как-то вообще произошел большой скандал. Левка связался с озорной компанией подростков, действовавшей в районе Технологического института и буквально терроризировавшей тамошнее население. Группа эта называлась «сименцы». О ней была даже статья в прессе, а потом и судебное разбирательство. Левка с трудом избежал неприятностей.

Прошли годы. И лет пятнадцать назад в Москве на приеме в американском посольстве ко мне подошел пожилой, уважаемый, полноватый, с седой шевелюрой мужчина и спросил:

— Не узнаешь, конечно?

Да и я бы тебя не узнал, если бы не твой недавний концерт по телевидению.

— Не узнаю, — честно признался я.

— А вспомни-ка нашу ленинградскую школу. И историю с «сименцами».

— Левка! — воскликнул я. Мы начали вспоминать далекие школьные годы, левкино буйство, его скандальные проделки.

— А что ты, кстати говоришь, нынче делаешь?

— Для тебя я как был, так и остался школьным хулиганом Левкой. А вообще-то я теперь официально именуюсь так: Лев Николаевич Смирнов, председатель Верховного суда СССР.

Один мой приятель, крупный дипломат, ныне пенсионер, рассказал мне как-то такую историю:

— В самом начале моей работы в МИДе я был в командировке в США. Возвращаясь, купил бутылку широко разрекламированной водки. Согласно рекламе пос-

ле употребления ее запаха алкоголя не должно было быть.

Однажды в воскресный день я дома за обедом принял стопку этого напитка очень недурного качества, и тут неожиданно позвонили о работе и сообщили, что меня срочно вызывает министр (понятие «выходной день» в те времена было весьма условным).

Министром тогда был А. Я. Вышинский, который абсолютно не терпел запаха алкоголя, распознавая его буквально за два-три метра.

Поверив фирме и потому не предвидя никаких осложнений, я спокойно вошел в кабинет. Когда я подошел к столу Вышинского, тот, побагровев от злости, вскочил с кресла и заорал:

— Вон отсюда, алкоголик! — и закончил тираду классическим матом, которым не пренебрегал. Проклиная американских обманщиков, я постыдно ретировался из кабинета. А на следующий день, будучи доселе беспорочным служакой, по приказанию злопамятного министра схлопотал «строгака».

Все дело было в том, что я не догадался полностью прочитать напечатанную на бутылочной этикетке аннотацию фирмы, где было сказано, что отсутствие запаха гарантируется только в том случае, когда выгито максимум 2 унции, то есть около 60 граммов. При увеличении дозы фирма за результат не отвечает. А я принял, казалось бы, жалкие по нашим нормам сто!